

Н.А. Любимов

**Крушение монархии во
Франции**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Н11

Н11 **Н.А. Любимов**
Крушение монархии во Франции / Н.А. Любимов – М.: Книга по Требованию,
2021. – 682 с.

ISBN 978-5-4241-8781-0

Очерки и эпизоды первой эпохи Французской революции. 1787–1790 гг.

ISBN 978-5-4241-8781-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

думаю, умѣстны были нѣкоторыя предостереженія и параллели, неблагоклонно встрѣченныя въ мнимо-либеральныхъ кружкахъ, такъ какъ шли противъ течения.

Между событiемъ великой исторической важности, какова французская революція, и нашими печальными явленiями революціоннаго характера есть громадная разница не только по сравнительной важности событiй, но по самому существу явленiй. Французская революція, какъ бы ни смотрѣть на нее, была явленiемъ центростремительнымъ; наша революціонная политика по существу *центробѣжная*. Революціонный французскій кличъ былъ къ единству Франціи; черта, спасающая Францію въ критическое время ея существованiя, была патриотизмъ. «Патриотизмъ, говорилъ я при описанiи празднествъ федераціи въ июлѣ 1790 года, можетъ вывести страну и изъ революціонной бури. Революція, исключающая патриотизмъ, можетъ принести только гибель. А именно такова обѣщаемая намъ русская революція. Эта русская революція есть попросту русское разложениe. Мы присутствовали при одномъ ея актѣ. О чемъ была забота въ эпоху смуты, ознаменованной польскимъ возстанiемъ 1863 года, такъ привѣтствованномъ нашими революціонерами, какъ не о раздробленіи Россіи, искорененіи русскаго патриотизма и всяческомъ противодѣйствіи національной политикѣ? Русская революція по существу своему можетъ быть только *центробѣжною*, затѣваетъ ли она разбить всю страну на мелкія и независимыя волости или задается болѣе близкимъ вопросомъ о всеоружіи правъ и конституціонномъ устройствѣ страны».

Заключая серію статей, веденныхъ въ формѣ разговоровъ, я вложилъ въ уста «автора» слова, которыя позволю себѣ повторить и въ настоящемъ предисловіи:

«Я врагъ революцій, изъ изученiя революціонной эпохи и наблюденiй жизни вынесъ сильнѣйшую антипатію противъ тѣхъ натуръ, алчныхъ къ власти, безсердечныхъ, насквозь фальшивыхъ, мелкой и завистливой души, изъ которыхъ вы-

работались революціонные вожаки якобинской эпохи и которые суть типическіе представители революціонныхъ движеній не въ одной Франціи. Но если чувствую въ себѣ, — при легко смущающейсѣ мягкости и внутренней робости нравственнаго существа своего, — какой-либо дѣятельный инстинктъ, то именно инстинктъ свободы, ближайше родственный съ инстинктомъ безпристрастія и отзывчивостію на каждое угнетеніе и страданіе. Тѣ кому не нравится *Противъ теченія* готовы выставить наши бесѣды какъ тенденціозное служеніе предвзятымъ идеямъ. Смѣю думать, что бесѣды наши суть произведеніе *свободнаго духа*.

Возможностію сдѣлать настоящее изданіе моего труда, я обязанъ редактору *Московскихъ Вѣдомостей* С. А. Петровскому, которому и приношу мою благодарность.

Надѣюсь, что знающіе замѣтятъ что есть оригинальнаго въ моемъ сочиненіи, не указаннаго другими. Какъ писаніе во многихъ строкахъ своихъ призывавшее умы къ отрезвленію, оно въ свое время было не безслѣдно. Не знаю обратитъ ли на себя вниманіе, какъ трактатъ чисто ученаго характера.

Вмѣсто введенія помѣщаю первую бесѣду пріятелей. Она характеризуетъ настроеніе, подъ какимъ былъ начатъ мой трудъ.

В М Ъ С Т О В В Е Д Е Н І Я .

ПРОТИВЪ ТЕЧЕНІЯ.

Разговоръ двухъ пріятелей въ июль 1880 года.

Пріятель (читаетъ газету). Читаю о празднествахъ въ Парижѣ 14 іюля нынѣшняго года. Замѣчательно, что нигдѣ, кажется, празднество обновленной республиканской Франціи не привѣтствуется такъ сочувственно, какъ у насъ, если судить по нашимъ газетамъ. Подумаешь, что и у насъ сердца исполнены радостными воспоминаніями о томъ какъ „народъ“ взялъ „твердыню Бастиліи“ и не защищавшихся инвалидовъ.

Авторъ. У насъ очень силенъ культъ французской революціи, но къ сожалѣнію нигдѣ, конечно, не распространены такъ мало какъ у насъ свѣдѣнія объ этомъ событіи. О немъ имѣются у насъ лишь самыя неясныя, мнѣніескія представленія.

Пріятель. Это идетъ издалека. Помнишь, гдѣтъ тридцать тому назадъ, въ наши студентскіе годы въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, подъ какимъ великимъ запретомъ и въ печати, и на кафедрахъ было у насъ слово *революція*. Въ университетскихъ библіотекахъ книги гдѣ говорится о революціи были отставлены въ особые шкафы. На сочиненіяхъ, авторы которыхъ болѣе или менѣе сочувственно относятся къ событію, красовался ярлыкъ „запрещено безусловно“. Ихъ не давали даже профессорамъ, развѣ потихоньку. На простыхъ повѣствованіяхъ о происшествіяхъ запрещенной эпохи, мемуарахъ, сборникахъ, документахъ, значилось: „запрещено для публики“. Эти не выдавались студентамъ и постороннимъ читателямъ. И всѣ эти запреты не помѣшали революціоннымъ идеямъ чрезъ всѣ преграды проникать въ молодые умы.

VIII

Авторъ. Да. Какое бывало наслажденіе доставлялъ добытый отъ какого-нибудь обладателя запрещеннаго плода, профессора или иного счастливца, на самое короткое время, опасный томъ какой-нибудь исторіи революціи, въ которомъ казалось и заключается самая-то скрываема я истина. Помнишь съ какою жадностью одоубвали мы въ одну ночь томъ Мишле, Луи Блана, въ четыреста, пятьсотъ страницъ, понимаемый изъ пятого въ десятое и по недостаточному знанію языка, и по отсутствію свѣдѣній вообще. Чѣмъ сочиненіе запрещеннѣ тѣмъ казалось истиннѣе.

Пріятель. Надо признаться, что нашимъ юношескимъ увлеченіямъ не мало содѣйствовало то обстоятельство, что въ литературныхъ и профессорскихъ кружкахъ, имѣвшихъ наиболѣе вліянія на молодые умы, этотъ, какъ ты называешь, „культъ революціи“, если не во всѣхъ подробностяхъ исполненія ея программы, то въ ея началахъ, идеяхъ, неотразимо имѣющихъ осуществиться и отдѣлать новый міръ отъ стараго, принадлежалъ къ числу основныхъ убѣжденій. Революція включалась въ общее понятіе объ историческомъ прогрессѣ, какъ самая капитальная его часть. Ея начала понимались менѣе опредѣленно, но за то и шире, чѣмъ такъ называемыя начала 89 года. Наше пониманіе революціонныхъ началъ обнимало собою все стремящееся и общающее передѣлать неудовлетворительный существующій порядокъ вещей на новый, непремѣнно лучший,—свободу во всѣхъ видахъ, борьбу со всякими притѣсненіями, изобличеніе злоупотребленій, уничтоженіе предразсудковъ; словомъ, цѣлый винегретъ прогресса, осуществить который мѣшаетъ только невѣжество массъ коснѣющихъ и удерживаемыхъ въ предразсудкахъ, а также своекорыстие людей власти имѣющихъ. Въ какой мѣрѣ въ кружкахъ былъ силенъ этотъ широкій революціонный культъ, о томъ свидѣтельствуютъ изъ нихъ вышедшіе наши дилетанты всесвѣтной революціи: Герценъ, Огаревъ, съ ихъ изданіями, играющими не малую роль въ печатной исторіи русскаго сбиванья съ толку; наконецъ Бавунинъ, прямо пошедшій дѣлать чужія революціи.

Авторъ. Образованіе у насъ революціоннаго культа съ его отгѣнками—отъ поклоненія идеаламъ до поклоненія практикѣ,—чрезвычайно понятно. Наши литературные и научные руководители, при большихъ конечно познаніяхъ и большей опытности чѣмъ какія мы имѣли,—были по отношенію къ политическимъ вопросамъ, и къ дѣлу революціи въ томъ числѣ, такіе же неопытные

новички какъ и мы юноши. Между практикой окружающей жизни и тѣмъ что слагалось въ умѣ изъ книжнаго знакомства съ міромъ европейской цивилизаціи была тогда дѣлая пропасть. Чувствовалось внутреннее раздвоеніе. Съ одной стороны, непроглядная дѣйствительность съ явленіями невѣжества, грубаго стѣсненія всего что дорого человѣку дорожащему свободой своей мысли; съ другой—фантастическій идеалъ свободнаго цивилизованнаго государства осуществляемый на Западѣ, и если не осуществленный еще, то лишь благодаря противодѣйствию именно тѣхъ же темныхъ силъ, которыя такъ давали себя чувствовать вокругъ. Для серьезной оцѣнки явленій жизни требовалась степень зрѣлости, которою не обладали ни мы, ни наши руководители. Нѣкоторые спасались отъ раздвоенія идеаломъ древней Руси...

Пріятель. А какъ тяжело иногда чувствовалось это раздвоеніе! Въ эпоху Крымской войны, и великаго Севастопольскаго сдѣланы не мало было между нами почти радовавшихся нашимъ пораженіямъ, какъ побѣдѣ цивилизаціи надъ зазнавшимся варварствомъ. Въ комъ не заглушены были здоровые инстинкты патріотизма, тѣ чувствовали чудовищность явленія. Въ біографіи Грановскаго можно видѣть, какъ онъ съ испугомъ отклонился отъ космополитическихъ сужденій этого рода, почувствовавъ въ себѣ русскаго человѣка. Черезъ нѣсколько лѣтъ наступила была минута, когда печальное раздвоеніе, о которомъ мы говоримъ, источникъ множества явленій—со „скитальчествомъ“ включительно, о которомъ заговорили въ послѣднее время,—готово, казалось, было исчезнуть. Это минута нашего національнаго пробужденія въ 1863 году во время Польскаго возстанія. Вдругъ стало яснымъ, что русскій патріотизмъ не грубость массъ, не чудачество вружка, не притворство желающихъ выслужиться у правительства, а сознаніе себя Русскими, не стыдящимися исторіи своего народа, не отрекающимся отъ нея со всею ея нравственною отвѣтственностію и трудными задачами, указываемыми вѣчною справедливостію, по волѣ которой и возвышаются и падаютъ народы. Почувствовалось, что разумный патріотизмъ есть истинный признакъ образованнаго народа, а пошлый космополитизмъ, такой же признакъ варварства какъ и китайщина. Но плохо воспользовались мы этою минутой. Остановились, какъ остановились потомъ предъ стѣнами Константинополя. Медленны шаги исторіи!

Авторъ. Исторія прошедшаго, фундаменты быта западныхъ на-

родовъ для насъ были чужды. По отношенію къ ихъ историческимъ завѣтамъ мы чувствовали себя совершенно налегкѣ, подобно тому какъ почувствовали себя Французы революціонной эпохи, сбросившіе съ себя или лучше сказать вообразившіе, что сбросили всѣ тяготы своей исторіи. Тѣ силы, которыя, какъ напримеръ католицизмъ, имѣютъ такое существенное значеніе въ жизни Французской націи, для насъ непонятны. Мы еще можемъ представить себѣ крестьянина ревностнаго католика, рисуя его себѣ по образцу православнаго крестьянина, но не можемъ войти въ кожу образованнаго Француза-католика. Такъ же мало понятенъ намъ Французъ-легитимистъ. Мотивы, одушевлявшіе людей къ борьбѣ съ революціей, были для насъ вообще мало доступны; болѣе понятны были худшія изъ нихъ, — своекорыстіе, нежеланіе отдать что имѣешь. Между тѣмъ, стремленіе къ обновленію во имя теоретическихъ началъ, простыхъ и привлекательныхъ съ виду, казалось чрезвычайно понятнымъ. У насъ сложилось политическое ученіе до наивности простое. Въ мятущемся человѣчествѣ двѣ стороны—темная сторона стараго порядка и свѣтлая сторона обновленія. Царство предразсудковъ и царство яснаго разума. Добродѣтель, честность, иныя хорошія качества, специальная принадлежность первой стороны—стороны либеральныхъ идей. Могутъ быть и въ ней заблужденія и даже заблужденія ужасныя, разыгрывающіяся кровавыми послѣдствіями, но и эти заблужденія происходятъ изъ чистаго въ началѣ своего источника. Могутъ, правда, быть явленія честности, добродѣтели, величія и на другой сторонѣ; но это честность и добродѣтель предразсудка, величіе паденія. Мотивы на этой сторонѣ или своекорыстные расчеты, или темныя инстинкты духа, а не желаніе блага, не свѣтлое представленіе разума, какъ тамъ. Обновленіе должно свершиться. препятствія къ нему должны быть убраны. Какъ — немедленно ли и всякими средствами, какъ требуютъ болѣе ретивые, — постепенно ли и безъ болваненныхъ операцій, какъ предлагаютъ болѣе спокойные: это можетъ быть предметомъ сомнѣнія, но сущности дѣла не измѣняетъ. При такой постановкѣ какое же можетъ быть колебаніе для ума свободно относящагося къ дѣлу куда применить, на сторону ли враговъ или на сторону друзей революціи. А умомъ свободно относящимся къ дѣлу естественно чувствовалъ себя всякій изъ насъ, урывками и тайкомъ знакомясь съ событіями великой революціонной драмы.

Пріятедь. Все это очень понятно, но отъ того не легче. Незрѣлость нашихъ политическихъ понятій въ эпоху зарожденія революціоннаго культа далеко не имѣла того важнаго значенія какое можетъ получить нынѣ. Тогда лежала дѣлая пропасть между практической жизнью и теоретическими идеями, для самаго незначительнаго меньшинства имѣвшими сколько-нибудь серіозную цѣну. Для большинства причислявшихъ себя тогда къ современно образованнымъ людямъ идея эти проходили въ умѣ легкимъ и неяснымъ облакомъ. Культъ революціи являлся въ формѣ отдаленнаго поклоненія и лишенъ былъ практическаго значенія и силы. Далеко не то теперь, когда такъ бродятъ въ обществѣ стремленія къ дѣятельной политической жизни, когда понятія такъ смутны, когда мы испытываемъ злоупотребленія свободы безъ самой свободы, тиранию не власти, а безвластія и противовластія, когда на практикѣ есть русская социально-революціонная партія съ сектами и подраздѣленіями. Отъ революціи и революціонеровъ въ тѣсномъ смыслѣ у насъ нынѣ принято искренно или неискренно отрекаться самымъ рѣшительнымъ образомъ. Не только газета *Голосъ*, считающая себя выразителемъ идей „либеральной фракціи“ нашихъ правящихъ людей, отрывается отъ революціонеровъ; отъ нихъ во всеуслышаніе недавно отреклись на судѣ сами участники „социально-революціоннаго движенія“ — ихъ собственные коноводы, докторъ Веймаръ и студентъ Михайловъ. Когда послѣ кинжаловъ и взрывовъ начались со стороны глаголемыхъ (терминъ какой митрополитъ Филаретъ ввелъ относительно старообрядцевъ) либераловъ усиленные отреченія отъ революціонной партіи, доходившія до пагоса проклятій, партія въ заграничныхъ изданіяхъ посмѣивалась, говоря: „а все-таки вы наши и съ нами за одно“. Теперь, повидимому, и въ крайнемъ лагерѣ *mot d'ordre* отказываться отъ насильственныхъ мѣръ. Надолго ли? Никакой, говорятъ, насильственный переворотъ не желателенъ. Нашелся, наконецъ, успокоительный пунктъ, на которомъ кажется всѣ согласились, и крайніе, и умѣренные, и просто либеральные. Переворотъ желателенъ и требуется постепенный, законный, путемъ „либеральнаго прогресса“. Но и первая французская революція началась съ характеромъ законнаго переворота. Самый терминъ *революція*, до событій 1789 года и даже въ первую ихъ эпоху не имѣлъ значенія насильственнаго переворота. Никто не понималъ революцію какъ бунтъ или воз-

мущеніе. Захватъ власти безъ боя, проникновеніе во власть можетъ точно также своимъ послѣдствіемъ имѣть революцію, какъ и удичное возстаніе съ баррикадами и кровію. Суть дѣла — во имя какихъ идей производится или долженъ быть произведенъ переворотъ, чѣмъ именно должно было обновлено человѣчество вообще, и каждая страна въ отдѣльности. Если есть въ самомъ дѣлѣ такой рецептъ, который стоить только исполнить, и человѣчество несомнѣнно обновится въ новый счастливый міръ, то можно ли не желать осуществленія этого рецепта и не призывать всѣмъ сердцемъ того дня, когда осуществленіе это свершится? А если этотъ рецептъ заключается въ началахъ внесенныхъ въ міръ французскою революціей, то можно ли не раздѣлять культа революціи? Если цѣль ясна и извѣстна, то вопросъ только въ путяхъ для болѣе или менѣе удобнаго ея достиженія. Вся суть дѣла — ясна ли цѣль и не миражъ ли то что указывается вдали. Цѣлое войско въ степи можетъ погнѣнуть принявъ миражъ за дѣйствительность. Отъ миража можетъ спасти или жизненный опытъ, стоящій иногда не малыхъ жертвъ, или научное знаніе достигнутое изученіемъ явленій.

Авторъ. Ты сказалъ слово. Нѣтъ у насъ зла большаго какъ безпомощность нашего знанія. Ею объясняется наше невѣроятное легкомысліе въ серіознѣйшихъ дѣлахъ и то, какъ могутъ имѣть у насъ успѣхи обманы самаго грубаго свойства. Нечего закрывать глаза. Современное состояніе нашего общества скрываетъ въ себѣ не мало опасностей. И главная изъ нихъ не въ томъ темномъ пятнѣ, на которое направлено вниманіе: замажемъ, говорятъ, пятно, и все пойдетъ по маслу,—а въ томъ сѣромъ фонѣ въ какомъ это пятно выступило. Мы до страсти любимъ обличать зло нашего положенія, но настоящее его зло легкомысленнѣйше просматриваемъ. Мы всѣ жалуемся, но на то ли что насъ дѣйствительно ослабляетъ? Ты помнишь нашего товарища П*. Онъ прислалъ мнѣ на дняхъ на эту тему довольно длинное письмо, родъ статейки которую не прочь бы напечатать. Я прочту ее. Высказанное въ ней мнѣ кажется весьма вѣрно.

„Едва ли есть въ настоящее время на протяженіи Россійской Имперіи человѣкъ, который бы не жаловался. Всѣ мы жалуемся и требуемъ улучшеній. Администраторъ жалуется, что его не довольно уважаютъ и награждаютъ; общественный дѣятель, что у него мало правъ и нѣтъ арены для краснорѣчія,—что и мѣшаетъ ему исполнить обязанности; духовный пастырь жалуется, что ску-

ХІІІ

дно содержаніе; крестьянинъ, что мало земли и поборы велики; хозяинъ, что мастеровые только пьянствуютъ, а не работаютъ; жалуется собственникъ, что собственность не приноситъ доходу, а обложена все возрастающими сборами; жалуется купецъ, что очень ужъ плутъ сталъ народъ; акціонеръ, что его обворовываютъ; предприниматель, что слишкомъ много требуется для „подмазки“ чтобы пустить въ ходъ какое-либо дѣло; судъ жалуется на администрацію, администрація на судъ; начальники жалуются, что подчиненные ихъ не слушаютъ, подчиненные зачѣмъ еще есть у нихъ начальники, когда каждый самъ себя отлично чувствуетъ начальникомъ; общество жалуется, что правительство все беретъ на себя, правительство, что общество ничего взять на себя не хочетъ; публика жалуется на разнузданность журнальныхъ правъ и жадно читаетъ скандалы; журналисты жалуются, что имъ недостаетъ свободы слова и съ азартомъ требуютъ „обузданія“ если кто заговоритъ не по камертону; раскольники жалуются, что не признаютъ ихъ архіереевъ и что чиновники и литераторы, съ тѣхъ поръ какъ приняли роль защитниковъ „свободы совѣсти“, обходятся дороже прежняго; чиновники жалуются, что у раскольниковъ туга стала мощна; профессора жалуются, что у нихъ нѣтъ студентовъ въ аудиторіяхъ, студенты что у нихъ нѣтъ профессоровъ на кафедрахъ, тѣ и другіе, что не могутъ серьезно заниматься дѣломъ — студенты потому, что не имѣютъ кассъ и ссодокъ, профессора потому, что „автономія грозитъ опасностью“ и требуется прибавка жалованья; не жалуются кажется только лѣса и горы,—горы потому, что ихъ нѣтъ, а лѣса потому, что мы ихъ повыврубили.

„Но странное дѣло! во всемъ обширномъ и разногласномъ хорѣ жалующихся и негодующихъ не слышится вовсе указанія и жалобъ на главное зло составляющее дѣйствительную язву нашего современнаго положенія. Послушать—мы всѣ находимся подъ гнетомъ какой-то тяжести и движемся въ сжатой и густой атмосферѣ. Но взглянувъ внимательнѣе, не трудно убѣдиться, что напротивъ всякая тяжесть сложена нами съ плечъ и мы идемъ налегкѣ; удушье, несомнѣнно чувствуемое, происходитъ не отъ того, что воздухъ сжатъ, а оттого что разряженъ и мы взапуски стараемся лишить его живительнаго кислорода. Не въ томъ зло, что трудно у насъ жить, а въ томъ, что *слишкомъ легко у насъ жистся*. Трудъ ослабъ на всѣхъ ступеняхъ. Мы проживаемъ капи-

талъ, слѣпо не замѣчая, какъ легко этимъ могутъ воспользоваться наши враги. И не поблагодарить за это насъ наши потомки! Какая масса трудныхъ и серьезныхъ дѣлъ стоитъ безъ движенія и не потому, чтобы руки были связаны — никогда онѣ не были свободны какъ теперь, а потому что на всѣхъ путяхъ выгоднѣе оказывается бездѣлье. *Нѣтъ труда производительнаго, ибо въ вы-
ходѣ и почетѣ трудъ кажущійся, непродуцительный.* Заслуга не замѣчается, не цѣнится, даже унижается, зато мнѣнїе требуемой окраски, искреннее или фальшивое все равно, вмѣняется въ за-
слугу. Всѣ управленія нишатъ проектами, нѣтъ мало-мальски за-
мѣтнаго чиновника который не былъ бы членомъ десяти коммис-
сій: все, кажется, изучается, взвѣшивается и здѣсь и во всѣхъ
странахъ міра, и въ китайскомъ законодательствѣ, и въ англій-
скихъ архивахъ XIII или иного вѣковъ, и въ исторіи, и въ те-
оріи, и въ прошедшемъ, и въ будущемъ, а колесница стоитъ на
мѣстѣ. Такъ и останется, ибо весь этотъ парадъ есть только
внѣшнее подобіе дѣла, а не самое дѣло. Дѣло есть вещь трудная,
руководить имъ могутъ немногіе, ихъ надлежитъ искать и доро-
жить ими, если найдены. Но трудиться и исполнять то чтó пред-
писываетъ обязанность должны всѣ. Условія нашей дѣйствитель-
ности требуютъ возможно простыхъ формъ и строгаго исполненія.
А между тѣмъ мы видимъ только кандидатовъ въ руководители и
набрасывателей проектовъ, задающихся задачей о наисложнѣйшихъ
и наименѣ примѣнимыхъ комбинаціяхъ. Иванъ Александровичъ
Хлестаковъ, повѣствуя о своей петербургской дѣятельности, хва-
стался, что онъ только заходитъ въ департаментъ взглянуть, ра-
спорядиться, дать указанія, а тамъ уже этакія крысы-чиновники
сидятъ и пишутъ, пишутъ, самъ же просвѣщенный чиновникъ по
вечерамъ играетъ въ вистъ: „Французскій посланникъ, нѣмецкій
посланникъ и я“; а въ минуты досуга пишетъ статьи для журна-
ловъ. Создатель этого типа, великій изобразитель пошлости нашей
жизни, самъ характеризовалъ Хлестакова какъ человѣка „безъ
царя въ головѣ, изъ тѣхъ которыхъ въ канцеляріяхъ принято
называть пустѣйшими“. Какъ изумился бы авторъ *Ревизора*, уви-
дѣвъ вочію, что въ наше время Иваны Александровичи дѣй-
ствительно играютъ въ вистъ съ французскимъ посланникомъ, да-
ютъ направленіе дѣламъ и пишутъ передовыя статьи въ газетахъ,
изобразя собою общественное мнѣнїе. За то племя крысъ-чинов-
никовъ исчезло, а „пустѣйшіе“, то-есть къ труду простому неспо-